

Александр ГАЛИН:

"В России есть возможность не думать о земном"

УСПЕХ завершившихся только что гастролей московского "Ленкома" связан не только с именами звезд - Чуриковой, Караченцова, Калягина - но и, не в последнюю очередь, с именем драматурга, автора пьес "Сорри..." и "Чешское фото" - Александра Галина. Впрочем, такое ощущение, что успех ему сопутствует всю жизнь. Лет 15 назад, когда молодой драматург (в прошлом - выпускник режиссерского факультета Института культуры, еще раньше - актер кукольного театра) поменял ленинградскую прописку на московскую, его пьеса "Ретро" шла чуть ли не в каждом городе Союза. Комедия о старике из Курска, который гостит в Москве у дочери с зятем - деловитых, хватких, циничных, о том, как они безуспешно пытаются старика женить, как три пожилые невесты приходят в один и тот же час, - и о том, как бесконечно все одиноки и опустошены, и молодые, и старые...

Спектакль Льва Додина "Звезды на утреннем небе" по пьесе Галина (о проститутках, высланных из Москвы в дни Олимпиады 80-го года) стал одной из примет "эпохи гласности", он побывал во всех странах, где лежали гастрольные пути Малого драматического. А было и еще множество пьес, поставленных не только в Москве и других российских городах, но и в США, Японии, Германии, Франции, Италии... Достаточно вспомнить названия - "Восточная трибуна", "Крыша", "Стена", "Тамада", "Группа". Не так давно Галин дебютировал как кинорежиссер - снял фильм по своему сценарию "Плащ Казановы". И снова успех - приз Инне Чуриковой за лучшую женскую роль на "Кинотавре". А теперь Галин выступил и как театральный режиссер, поставив свою пьесу "Чешское фото".

Легко ли вам было осваивать новое ремесло?

Дело в том, что "Чешское фото" - не первый мой спектакль. Я ставил до этого в театре студии Табакова свою пьесу "Дыра" (это вторая часть трилогии, первая - "Крыша", а последняя - "Сорри...", там речь об одних и тех же людях). Ставил три свои пьесы в Италии, одну - в Нью-Йорке. А еще когда-то, очень давно, я ставил в студии Ленинградского университета свою раннюю пьесу "Летят перелетные птицы", которую потом дважды поставила в Москве Гета Яновская. В общем, опыт у меня был, но я не относился к этому серьезно. Лишь сделал фильм, почувствовал, что могу заниматься режиссурой более ответственно.

Все-таки когда автор ставит свою пьесу - в этом есть некая шальность. Он понимает, что он не профессиональный режиссер, но вроде бы имеет на это право, может объяснить, что зачем, где-то артисты помогут. Особенно сегодня, когда повсюду происходит выхолащивание содержания из драматургии, присутствие автора за режиссерским пультом, на мой взгляд, довольно органично. Я могу задумать и воплотить то, что хочу. Могу сформулировать композитору, художнику и актерам свои пожелания. Важно, чтобы было что сказать. Если этот первый импульс есть, то он меня влечет, и я добиваюсь своего. А вот ежедневный организационный труд, построение спектакля - это было сложнее. Потому что я - человек, развращенный письменным столом, и каждый день хо-

дить, репетировать я не привык. Тем не менее нам потребовалось восемь месяцев подробнейшего разбора!..

У вас бывали периоды, когда нечего сказать?

Очень часто. Год, полтора, два... Когда тебя не увлекают ни судьбы, ни положения, ни истории... Говорить о чем-то "вообще" мы можем не уставая неделями, месяцами. А вот все сузить до двух часов сценического времени и сделать так, чтобы люди, появившиеся на сцене, взволновали зал, - это серьезно. Здесь, в ДК Горького, я был потрясен. Непростые условия, холод, люди в пальто сидят. Запредельщина какая-то... Думаю: где я? Но при этом - удивительный зал...

У меня определенное отношение к театру. Я не считаю, что зрители - это люди, наблюдающие за раскрашенными идиотами, не-людьми. Или, наоборот, есть такой высокомерный взгляд художников на зрителей как на идиотов, которые почему-то приходят и платят деньги. Лучшие бы не приходили! Есть некоторые лабораторные изыскания, без публики, иногда приглашают - но немного, 10 человек, такой сгусток элиты... Мне близок театр, в котором мы равноценны - и сцена, и зал.

Александр Михайлович, почему наши драматурги пьес не пишут?

Пишут. Я знаю, что прекрасные пьесы пишет Людмила Разумовская, я прочитал недавно ее "Владимирскую площадь", идут пьесы Леши Казанцева... А то, что драматургов немного - это в каждой стране так. Сколько

драматургов в Америке, Англии, Германии, по-настоящему профессиональных? Пять-шесть, иногда и один на страну. Это редкое и не очень благодарное занятие. Люди более-менее талантливые в основном уходят на телевидение, в кино, а в театре остаются единицы...

Сейчас в Петербурге идет, кажется, лишь одна ваша пьеса, у Додина. Сравните с тем, сколько шло 10 лет назад. Почему так произошло?

Я ставил фильм, и на это ушло три года жизни. Но совсем о том не жалею, я люблю этот фильм, и Инна Чурикова его любит. Моя пауза связана была только с этим.

А может, еще и с тем, что последние годы вы живете вдали от России?

Это все легенды, бред сумасшедшего! Я как-то поехал на неделю в Америку, на премьеру, и - с тех пор стал "жить на Западе". Я живу в Москве, как и раньше! Иногда, вы знаете, дикие и обидные вещи случаются. Был первый просмотр моего фильма "Плащ Казановы", еще до премьеры, и - читаю в газете полную ахинею: вот, Галин теперь живет в Италии и, чтобы понравиться своим новым буржуазным хозяевам, выставил в омерзительном свете русских женщин. И статья называется: "Смерть в Венеции" - мол, я умер в Венеции!.. Но я на такую дикость внимания не обращаю.

А откуда все-таки возникли настойчивые слухи о вашем отъезде? Может, у вас там недвижимость?

Недвижимости у меня, к сожалению, нигде нет, даже в России.

Нет своей квартиры?

Я ее не могу приватизировать, потому что живу в нежилом фонде. Так помечался... Нет, я очень неудачлив в этом отношении. Распорядиться неплохими и свое время гонорарами я не смог. Поэтому у меня ничего нет. Мы с женой какое-то время попутешествовали, а потом... все рухнуло. Например, в Белоруссии идет несколько моих пьес - вот я получил сейчас оттуда 600 рублей за месяц.

Ну а зарубежные постановки?

Кто-то платит, кто-то нет. Они же понимают, с кем имеют дело. Россия - несчастная страна, ее никто всерьез не принимает. В Турции пять лет шла моя пьеса, турки говорят: мы вам деньги перевели. Но их где-то по пути украли. Недавно включал телевизор, с изумлением вижу: идет фильм "Кольцо", снят на "Ленфильме" по моему сценарию! Но со мной никто не заключал договоров.

И не заплатили?

Нет, конечно, и не заплатят никогда. Я отношусь к этому нормально. Есть строите-

"Когда я получал большие гонорары - я их стыдился. Мы с женой ходили только в книжные магазины. Ни дачи, ни других пошлостей у нас не было..."

ли домов - есть человек, который умеет дом разрушить. Бог мне дал умение писать пьесы. И, к счастью, не дал мне умения воровать. Вот и все. А бороться за свои права здесь бессмысленно, на это уйдет остаток жизни... Нет, жизнь в России хороша совсем другим, не этим. Тут есть возможность не думать о земном.

Как же, Александр Михайлович, об этом можно не думать?

А лучше не думать! Это страна духовная прежде всего. Безумная, страшная, творящая черт знает что, но пребывание здесь - ни с чем не сравнимое чувство...

Согласитесь, что вам в свое время повезло так, как никому из вашего поколения драматургов...

Мне действительно повезло, когда я написал "Ретро", этой пьесой словно "ударило" по стране - и я стал независим. Абсолютно независим, ни от кого! Это было невероятное чувство. Мне не нужно было писать ни по чьему заказу, ни по чьей просьбе. Я мог год ничего не делать, думать. И с тех пор так у меня написание пьесы год и уходит, иногда два-три. А ведь это баловство, профес-

сионалы на Западе пишут пьесу за полторы-две недели. Если же речь о том, почему мои пьесы имели относительно успешную судьбу, я объясню: там были роли. Там было что играть! И артисты хотели их играть, защищали мои пьесы. Когда запретили "Восточную трибуну", Табаков ходил к Андропову - и пьесу разрешили для одного театра. А для "Комиссаржевки" не разрешили, и артисты несколько лет "хранили" спектакль, пока не пришло время. Вот это можно назвать везением! Но так было не только со мной - и с Петрушевской, и с Аллой Соколовой...

С кем из режиссеров было приятнее всего работать?

Конечно, я бы назвал "ленинградскую школу" - Додина, Кама Гинкаса, Гета Яновская. Просто я чувствую этих людей, знаю их историю, понимаю, что стоит за каждым спектаклем. Ведь у нас в свое время была общая, что ли, заброшенность. Они помнят меня, когда я приехал из Курска, жил в нищете, болезненный хилый мальчик, у меня была рваная обувь. В те страшные зимы я приходил к Гете и Кама на кухню, попить чаю. Мне было очень одиноко. Я читал им пьесу "Стена", 20 страничек текста, они хотали, звали артистов: а вот тут есть такой мальчик Саша, он написал прекрасную пьесу... Это та энергия, которая спасала. Если бы не эти люди - ничего бы не было в моей жизни. Или - если бы Володин не сказал: зайдите ко мне... Понимаете? Володин! Потом он повел меня на "Ленфильм" и заставил подписать со мной договор, чтобы хоть как-то меня накормить. Я знаю, что и сегодня есть та-

слишком много боли и страданий я видел и в счастливых, цветущих странах...

Если же речь о том, почему мои пьесы имели относительно успешную судьбу, я объясню: там были роли. Там было что играть! И артисты хотели их играть, защищали мои пьесы. Когда запретили "Восточную трибуну", Табаков ходил к Андропову - и пьесу разрешили для одного театра. А для "Комиссаржевки" не разрешили, и артисты несколько лет "хранили" спектакль, пока не пришло время. Вот это можно назвать везением! Но так было не только со мной - и с Петрушевской, и с Аллой Соколовой...

Проще?

Конечно. Мы были друг другу хотя бы нужны. А сейчас никто никому не нужен. Вот в чем весь ужас.

Почему эти режиссеры не ставят вас сегодня?

Надо дать пьесу, поговорить... Я очень надеюсь, что мы еще встретимся. А сейчас у меня такая внутренняя ситуация, что я не очень нуждаюсь в каком-то... ухищрении режиссерском. Мне достаточно передать то, что я сочинил, теми способами, которые мне известны. Поэтому пытаюсь ставить сам. Сейчас буду сам ставить во МХАТе и в "Современнике".

У вас уменьшается в пьесах количество персонажей. Это связано с тем, что зрителю нужны прежде всего имена, звезды?

Нет, это никоим образом не ориентировано на создание, как пишут, "бродвейского", коммерческого театра. Полная ахинея! Сейчас я закончил пьесу, которая называется "Шаги усталых людей по бетону", там 12 действующих лиц. А в "Чешском фото" мне просто было интересно ограничиться двумя персонажами. Я бы мог ввести туда героиню, Светлану Кушакову - и пьеса немедленно пошла бы еще в 50 театрах. А так - пьеса на двух мужиков... Ее безумно сложно ставить. Потому что когда нет Кушаковой на сцене, то это - миф, у каждого своя Кушакова. Если бы я вывел ее, я был бы, грубо говоря, "драмоделом". А я хотел быть поэтом. За что меня иногда - тьфу-

тьфу-тьфу! - любят артисты? Они чувствуют, что тут есть не только слова и мотивы передвижений за кулисы и обратно, но и то, что в тишине, в воздухе. Когда есть эта Светлана Кушакова, которая неведомо какая, тогда воздух сцены чем-то напоен...

Александр Михайлович, почему в ваших пьесах всегда богатые люди менее симпатичные, чем бедные? Разве это обязательно?

Знаете, если речь о России, то мне кажется... это безразлично - богатые рестораны, мерседесы, когда вокруг миллионы голодных и нищих. Люди живут замкнуто, скрывают свое богатство, их охраняют. Как раньше партийцы получали в "казе" ветчину и жевали ее втайне от народа, так и сейчас эти разбогатевшие люди втайне от народа развлекаются... Это не обязательно их вина - это их беда. Вот когда я получал большие гонорары, очень давно, я их стыдился. И нам с женой было неловко. Куда мы в основном ходили - это только в книжные магазины. Все да, эта пошлость жизни, мерзость - у нас ничего подобного не было. И сейчас нет. Потому мне особенно чужды те негуманные тенденции, которые развиваются в нашем обществе.

Разбогатеть можно только негуманными путями?

Начинаю думать, что мы недалеко ушли от закона стай... Те же жизненные механизмы: есть вожак, если кто-то отстает - его съедает. Как правило, и богатство, и власть добываются в суровой борьбе, конкуренции, правда же? Ведь даже когда мои пьесы ставят, я кого-то побеждаю - это вызывает у меня сочувствие к моим коллегам. Артистка Чурикова одна на весь русский театр. Я ее и в фильме снял, и в Италии с ней спектакль поставил, она и в "Сорри..." сыграла. Значит, я ее у кого-то отбирал, и тоже участвовал в борьбе...

Ну а выход какой? Тогда надо вообще отказаться от писания пьес, от театра.

Правильно. Но это единственное, что я могу и хочу делать. Понимаете, я ведь никого не осуждаю. Мое дело - писать, сожалеть, как говорит, по поводу быстротекущей жизни. Ведь если взять человеческую жизнь в масштабе земного шара, солнечной системы, вселенной - какое значение будут иметь в этом случае богатство или бедность? Я смотрю на своего героя, я должен видеть, почему он поступает так, а не иначе... Есть скрипка, которая настроена мастером. Человек настроен Богом. Хотел бы я знать, что за этим стоит, какая в человека вложена программа... Может ли она измениться... Для меня, например, самое тяжелое и опустошительное время - когда я никого и ничего не люблю. И я понимаю, что могу совершить и совершаю большую несчастия для близких людей. И понимаю, что когда таких людей собирается много - это катастрофы, войны... А любящий человек - он не опасен...

Беседовал
Максим МАКСИМОВ
Фото Виктора ДЮЖАЕВА